

Наталья МЕЛЁХИНА

ПУПСИК

Р а с с к а з

Рядом с железнодорожным вокзалом высился щит, на каких обычно дают рекламу. Под надписью «Слава Героям России!» с него улыбался прохожим паренек. «Митин Сергей Иванович», значилось ниже, и годы совсем короткой жизни. Под щитом стояла женщина, запрокинув голову вверх, словно пытаясь лучше рассмотреть Сергея Ивановича Митина. Выглядела она еще совсем молодо, и только какая-то приземленность фигуры да морщины на лице без косметики выдавали ее возраст. Женщине было уже около сорока лет. Под ее простым платьем из ивановского трикотажа округло вырисовывался живот. Она носила позднего ребенка. В поселке, где она жила, про таких детей говорили «поскребыши», но женщине — а звали ее Геля — было все равно. Сегодня УЗИ показало девочку, и она так обрадовалась, что зашла в церковь и поставила свечи в благодарность Богу.

Паренька со щита Геля знала. Это же Сережка Митин! Он родом из райцентра и призывался вместе с ее сыном Леньей. Три года назад такой же жаркой весной Сережка и Ленька рядом шагали в строю к этому самому вокзалу, чтоб вместе с другими новобранцами отправиться в областной город на призывной пункт. Служили Сережка и Ленька в одной части, и оба остались по контракту. Муж тогда радовался: «Гелька, вот и хорошо, что Ленька так устроился! Сыт, одет, обут! Потом выслужится, ипотеку военную возьмет! Да и на пенсию уйдет раньше». Но Геле не нравилось даже само слово «контракт» — будто ворон каркает: «Кар-кар-кар». И уже тогда недоброе чувствовало сердце.

«Сережка, милый, вот и ты на щите! Здравствуй, дорогой!» — поздоровалась Геля, не замечая, что говорит она не только про себя, но и тихим шепотом. Со стороны это выглядело так, будто она бормочет что-то себе под нос.

«Знаешь, Сережка, а мой-то не вернулся! И неизвестно где. Я в совет солдатских матерей ходила... И на УЗИ была... Вот как теперь всё — живем помаленьку, а где он, где?.. Если он там, с тобой, Сережа, то передай ему, что будет у него еще одна сестренка. Передай: пусть хоть приснится мне. Пусть хоть скажет: “Мама, я погиб!” Пусть я только знать буду, что с ним. Передай ему, Сереженька».

Гелю затрясло, как в лихорадке, но слез не осталось, да и нельзя — нельзя! — в положении стресс вреден. Она уже чувствовала на себе недоумевающие взгляды прохожих, как летнюю мошкару, облепляющую спину знойным вечером, когда полешь после работы грядки на огороде. Она передернула плечами и побрела к вокзалу — примут еще за сумасшедшую...

Совет солдатских матерей теперь назывался иначе. Когда Гелин старший брат воевал в Чечне и на какое-то время пропал без вести, там работала хорошая женщина Нина Петровна. Геля тогда была еще школьницей, но помнила, как они с матерью ездили из села в райцентр, вместе ходили в этот совет, рассказывая все, что знали, об армейском пути брата. Брат, слава Богу, потом нашелся живым, но контуженым в госпитале... Теперь же Нина Петровна ушла на пенсию, а совет назвали комитетом помощи семьям военнослужащих, возглавляла его ныне Галина, бывшая помощница Нины Петровны. Но рассказывать нужно было по-прежнему все то же, как и тогда с братом: когда Ленька родился, где прописан, каким военкоматом призван, где служил срочную, когда подписал контракт, когда отправили на СВО, как потерялась с ним связь, что уже успели предпринять... Геля повторяла все заученно и медленно, чтоб Галина успевала записывать.

Она рассказала даже, что ей с мужем удалось дозвониться до Лениного сослуживца, потому что именно с телефона этого парня Ленька звонил домой в последний раз. Поговорил он тогда с родителями коротко: «Мама, папа, все хорошо! Жив-здоров. Звонить подолгу нельзя. Все у меня хорошо». Владельца номера звали Ваня. Но ничего нового Ваня не рассказал: «Пошел в разведку и не вернулся». То же самое родителям и в военкомате сказали.

Об остальном, что узнала Геля от Вани, она Галине сообщать не стала. Например, не стала говорить, что, по словам Вани, в части Леньку прозвали Воробышком, потому что был он хрупкий, невысокий и шутил-болтал много — чирикал. «Любили у нас все вашего сына, хороший был парень, смелый! Боец! А больше мне сказать-то и нечего. Вы мне больше не звоните — нельзя!» И Ваня положил трубку. Геля сначала терпела и не звонила, а потом не выдержала, набирала его номер не раз, но никто не отвечал больше, и только механический женский голос безучастно повторял: «Вызываемый абонент не отвечает или находится вне зоны действия сети». «Где ты, Леня? В какой ты сейчас сети?» — спрашивала Геля у этого механического голоса, иногда забываясь и произнося этот вопрос вслух.

— Сыночка нет у меня! У меня только пупсик-доченька. А я хочу для нее братика.

Детский голос раздался так звонко, что Геля вздрогнула. У ларька с промтоварами, где продавалась для пассажиров всякая всячина, от женских халатов до игрушек, она увидела девочку лет пяти-шести, тоненькую, со светлыми, как у ангелочка, кудрями и большими карими глазищами. Рядом с ней стояла тощая старая дама, сурово поджимающая губы, очевидно

бабушка. Строгая юбка, блузка со старомодным бантом, каких теперь не носят. Судя по одежде, педагог советской закалки. И женщина, примерно ровесница Гели, чем-то неуловимо похожая на девочку, скорее всего ее мать. Малышка, видимо, давно клянчила пупсика, но женщина не решалась купить игрушку и как-то несмело поглядывала на бабушку-педагога.

— У тебя полно дома пупсиков. — Мать пыталась отговорить девочку от покупки.

— Не полно. У меня куколки, а пупсик один, — возражал ребенок.

Геля усилием воли заставила себя отвлечься от этой сцены — чужая семья. Нехорошо вмешиваться.

Возле вокзала работало еще два ларька: один — с овощами-фруктами, второй — с пирожками, лимонадами, чаем и растворимым кофе на разлив. Во фруктовом Геля увидела первую в этом году турецкую черешню и купила килограмм для дочери. Сегодня с утра муж дал ей пять тысяч рублей со словами: «Гелюшка, что увидишь вкусного — купи, не думая, и на цену не гляди. И себе что хочешь покупай — тебе сейчас хорошее питание нужно, — и доче». Так он называл Улю, редко по имени, а почти всегда — доча. Уж как подружки Геле завидовали! Такой-де, Гелька, муж у тебя внимательный! Настоящий заступник. Муж выпивал редко, потому что неумен был во хмелю — дрался, но только с чужими, дома — никогда никаких скандалов!

Когда выяснилось, что Геля беременна третьим, поздним ребенком — обрадовался, руки целовал... Когда-то Геля верила подружкам, мужем гордилась, а теперь совсем отдалась от него. Никак не могла простить мужу те слова: «Гелька, вот и хорошо, что Ленька так устроился! Сыт, обут, одет». Внушал сыну, что каждый мужик в армии должен отслужить? Внушал. Таскал Леньку с собой на охоту? Таскал. Учил стрелять? Учил. Так что ж плохо научил, плохо подготовил? Виноват, виноват!

Умом она, конечно, понимала, что если по справедливости, так ни в чем ее муж не виновен, но душой не могла ему простить самой принадлежности к мужскому роду с его охотами, войнами, оружием, драками, кровью, пьянками, насилием и грубостью чувств. «Хорошо, что Ленька так устроился!» А подумал — хорошо ли, что далеко от дома? А хорошо ли, что за три года контрактной службы мать с отцом навестил всего два раза? Нет, мужики — совсем другой народ. Их мир и их война — не для женщин. Из-за вечно воюющих между собой мужчин матери всех времен и народов теряли и теряют своих детей и Геля тоже лишилась сына. И она мстила мужу, пусть и по мелочам, пусть смешно, пусть инстинктивно, пусть и сурово оговаривая себя: «Да что ты, Гелька, и впрямь рехнулась?» Сегодня пятитысячную взяла, но, будто мужу назло, на себя или на него ни копейки не потратила, никаких гостинцев из города — ничего не везла, совсем, купила только килограмм черешни и только для Ульки.

— Уля, я же сказала — нет!

И Геля, услышав родное имя — имя дочери, снова повернулась к промтоварному ларьку. Там девочка, которую по совпадению тоже звали Улей, продолжала уговаривать:

— Мама, ну, пожалуйста, посмотри — вот этого пупсика, который в ванночке!

— Купи, не то ныть будет до самой дачи, — величественно бросила дама.

И мать, словно совершая преступление, воровски достала банковскую карту.

— Мне пупсика-мальчика. С соской! — закричала Уля, встав на цыпочки и подтягиваясь к окошку ларька.

Бабушка резко дернула ее за руку, осадив:

— Веди себя нормально! Что ты кричишь?!

Геля вошла в здание вокзала, а следом пришли и женщины с девочкой. Перед электричкой свободных мест в зале ожидания почти не осталось, и они сели рядом с Гелей.

...Народу на крохотном вокзале собралось много. От райцентра до поселка, где Геля родилась, выросла и прожила всю жизнь, добраться можно было только на электричке. Всего два рейса — утренний и вечерний, но, в общем, удобно, если надо в райцентр по делам: в администрацию, налоговую, банк, к электрикам или в военкомат. Справился за день, поел в кафе-столовой «Тройка» — и ездай себе обратно. В поселке жило порядка семисот человек, и работы пока хватало: леспромхоз, фанерный комбинат, маленький колхозик, своя пекарня, столовая, железнодорожная станция, садик, школа, где в классах училось по десять-пятнадцать человек, но все же полная, одиннадцатилетняя. Ее даже в оптимизацию, когда все садики и школы в округе позакрывали, не тронули. Младшая Гелина дочка Ульяна оканчивала седьмой класс. Гелин муж работал на фанерном комбинате, а она сама — в колхозе, в бухгалтерии. До армии в колхозе трактористом успел поработать и Ленька.

Среди людей, ожидавших электричку, встретились и односельчане, они коротко кивали Геле, но не прочь были бы с ней и поболтать. Вот агроном Николай Иванович — ездил в город к доктору-неврологу, грыжа разыгралась. Начни с ним беседу, все выложит! Сколько часов в очереди простоял, что ему доктор сказал, еще и снимки позвоночника прямо под расписанием электричек покажет. Вот бабуля-соседка Лидия Сергеевна — ездила в электросети, потому что ей в прошлом месяце неправильно посчитали «за свет». Зацепись с ней языками — и заставит проверить цифры в квитанциях. Скажет: «Гелька, ну ты же бухгалтер!» А вот заведующая библиотекой Лиза — училась в райцентре на семинаре для сельских библиотекарей: только присядь рядом — узнаешь, кто и из каких деревень приехал, чему учили, какие пироги и конфеты привезли к общему чаю...

В селе ничего не утаишь. И про Гелю все знали, зачем она ездила в райцентр — на УЗИ и в совет солдатских матерей. Когда два месяца назад сообщили ей, что Ленька из разведки не вернулся, что не значится он ни среди живых, ни среди мертвых, она кидалась на стены в своей квартире и выла: «Господи, хоть бы девка! Не сына! Не дай бог — сына!» Каждому теперь было интересно: так девчонка у нее будет или парень? В поселке решили, что Геля слегка повредилась в уме. Она и правда

изменилась: прежде веселая — теперь не улыбалась, внимательная — допускала глупые ошибки в бухгалтерских расчетах, стройная — вдруг стала выглядеть по-старушечьи тощей, говорливая — старалась избегать бесед. Вот и сейчас Геля не хотела ни с кем и парой слов перебраться.

Женщины рядом продолжали разговаривать, Уля уже достала пупсика из упаковки и теперь играла им.

— Уля, вот что я тебе скажу: ты этого пупсика отдашь мне, — вдруг заявила бабушка. — Ко мне через неделю на дачу придет твоя сестренка Соня, и это будет ей подарок от тебя.

— Нет, — испуганно ответила девочка. — Не отдам.

Малышка нахмурилась и крепко прижала к себе пупса-мальчишку в коротких штанишках и распашонке.

— Что ты такая жадная? Мама сказала, у тебя дома уже есть пупсик, — продолжала дама.

— Это мой пупсик. Я его уже назвала Дениской, — не сдавалась Уля, но голосок ее уже дрожал, уже чуялись в нем близкие слезы.

— Я скажу Соне, что его Дениской зовут, — милостиво пообещала бабушка.

— Мама, ну зачем? Она же сейчас расплачется, — робко попыталась вмешаться Улина мать.

— Кого вы из них растите? Неженки! — фыркнула дама. — Надо учить делиться. Растите их по одному в семье, не рождаете, сами эгоисты и растите эгоистов. Вас у меня трое было, и всех людьми вырастила.

Она какое-то время помолчала, но вновь продолжила елеинь-масляным тоном:

— Уля, если ты не научишься делиться, другие дети будут дразнить тебя «жадина-говядина».

— Ну и пусть, — упрямо ответила Уля и, подумав, добавила: — Не будут. Откуда они узнают?

— Уля, жадничать нехорошо. Подари пупсика Сонечке! — не отставала дама и протянула руку к куколке.

Девочка бойко слезла с кресла, отвернулась от женщин, а когда повернулась вновь к ним лицом, то под футболкой на ее животике надулся холмик, как у беременной: она спрятала пупса под одежкой.

— Всё! Нету Дениски! — Она развела руками. — Фокус-покус!

Мать девочки не смогла сдержать улыбки, улыбнулась и Геля, но бабушка рассвирепела:

— Жадина! Взрослых не слушаешься!

Дама протянула руку, возможно, чтоб схватить девочку и, наверное, силой достать пупса из-под ее футболки, но Геля вдруг с силой ударила старуху по рукам и закричала на весь вокзал:

— Дура! Дура старая! Убью, сука! Не смей трогать! Она — мать! Мать! Это ее Дениска! Не смей трогать!

В глазах у Гели потемнело, в горле пересохло, все тело била дрожь, она словно начала терять сознание. Кто-то из односельчан, кажется Николай Иванович, вмиг очутился рядом, подхватил ее, усадил в кресло.

— Успокойся, Геля, успокойся!

Лиза подбежала с бутылочкой воды, дала Геле пару глотков.

Дама сначала онемела от случившегося, а затем начала что-то лепетать про оскорбления, полицию, про то, что лезут сумасшедшие не в свое дело, чужих детей воспитывают, что эта психическая еще у ларька возле ребенка ошивалась и сама с собой разговаривала, что она опасная, но народ, свой, из села, шикал на старуху и на все голоса ей повторял:

— Она — мать! Мать! Поймите вы: сын у нее! Ленька без вести пропал... Не в себе она. И видите ведь — беременная! Кто же с беременными спорит! Примета худая. Беременным не перечат — ребенок поперек пойдет! Мать она! Мать!..

И тут объявили электричку. Лиза и Лидия Сергеевна поспешно подхватили Гелю под руки и повели к выходу на перрон — скорее прочь от скандала! Уговаривали: «Пойдем, милая, пойдем! На воздухе полегчает, отпустит». Николай Иванович взял ее сумку и пакет с черешней и понес следом. Геля обернулась: Уля по-прежнему стояла на своем месте с пупсиком под футболкой. Казалось, она ничуть не испугалась случившегося и приняла все произошедшее за какую-то непонятную ей взрослую игру. Уля улыбнулась, достала пупса из-под футболки, высоко подняла над головой — смотри, мол, наша взяла, со мной остался Дениска! — и помахала им вслед странной тетеньке.

